

«Бакалка» в Ув и ряд других случаев, когда Ув, с одной стороны, а М и Р₁, с другой, отличаются какими-то вариациями,¹² полностью соответствуют и характеру взаимоотношения миниатюр в этих списках: близость между миниатюрами М и Р₁ значительно большая, чем между ними и Ув.

Неизвестный С. К. Шамбинаго список «Сказания» П входит в группу списков Ув, М и Р₁. Этот список настолько близок к М, что есть все основания считать его либо непосредственной копией М, либо точной копией протографа М. Необходимо отметить, что и в М и в П листы рукописи перепутаны. Последовательность этих перепутанных листов в обоих списках не совпадает, однако каждый лист сам по себе, как единое целое, одной рукописи полностью совпадает с листами другой. Таким образом, мы видим, что писец копировал оригинал, в точности повторяя не только содержание текста, но и расположение текста на листе. Рукопись П весьма поздняя, но, видимо, в этом копировании лицевой рукописи отразилась старая традиция — переписывание лицевой рукописи заставляло писца строже, точнее относиться к переписываемому тексту: ему было необходимо соразмерять расположение текста по листам с расположением миниатюр в тексте. Итак, в рукописях «Сказания» Ув, М, Р₁ и П мы имеем одну редакцию миниатюр, представленную тремя вариантами: Ув — один вариант, наиболее близкий к протографу редакции, Р₁ — второй и М и П — два списка третьего варианта.

В каком же отношении к этим миниатюрам «Сказания» находятся миниатюры других лицевых рукописей этого памятника? Из приведенных выше высказываний С. К. Шамбинаго мы видим, что миниатюры рукописи Р₂ связывались им с типом миниатюр, подобным миниатюрам М или Р₁, т. е. с более поздним видом миниатюр, чем в раннем варианте этой редакции миниатюр — в списке Ув. Напомню, что С. К. Шамбинаго вынес весьма суровый приговор миниатюрам этой рукописи, заметив, что они не имеют художественного значения. Эта несправедливая оценка, по всей вероятности, послужила причиной того, что миниатюры этой рукописи «Сказания» остались вне интереса искусствоведов, занимающихся историей древнерусской миниатюры. Только этим, видимо, можно объяснить то обстоятельство, что авторы раздела о миниатюре XVII в. в IV томе академической «Истории русского искусства», останавливаясь на миниатюрах «Сказания о Мамаевом побоище», дают высокую оценку миниатюрам лондонского списка, весьма низкую — миниатюрам списка Р₁ и совершенно не касаются миниатюр в списке Р₂.¹³ А между тем внимательный анализ миниатюр этого списка позволяет многое уточнить и понять в истории иллюстрирования «Сказания о Мамаевом побоище», и в частности разобраться в вопросах отношения миниатюр Л к остальным

¹² Так, например, в Ув, в перечислении пришедших на Москву белозерских и ярославских князей, в отличие от М и Р₁, после «Андрей Инемской» (это общая ошибка Ув, М и Р₁, вместо «Кемский») прибавлено «князь Лев Каргополоской» и вместо «Лев Серпуховской» М и Р₁ — «Лев Серпской»; в эпизоде об испытании примет Дмитрием Волынцом вместо слов «и зоря уже неизгасше» М и Р₁ и Ув — «и зоря уже изгасше».

¹³ Неясно, почему в «Истории русского искусства» названы только миниатюры списка Р₁ (при этом со ссылкой на рукопись, а не на издание их в книге С. К. Шамбинаго) и ничего не сказано о миниатюрах Ув, которые, как это подчеркивал С. К. Шамбинаго, более архаичны по своим формам и гораздо выше по исполнению миниатюр Р₁ и которые характеризовались С. К. Шамбинаго как источник миниатюр Р₁. Вызывает удивление и то обстоятельство, что в книге С. К. Шамбинаго воспроизведены миниатюры списка Р₁, а не Ув. Видимо, это может объясняться только какими-то техническими причинами.